

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VII ¹⁾.

Судъ объѣзжаго головы.

Объѣзжій дворъ былъ подчиненъ Разрядному приказу. Разрядъ назначалъ объѣзжаго голову и давалъ ему наказъ. Въ Разрядѣ обжаловывались рѣшенія объѣзжаго головы; въ этотъ приказъ переносились со съѣзжаго двора и невершенныя дѣла по челобитью одной изъ сторонъ. Объѣзжему было дозволено наказывать только людей „самыхъ малыхъ чиновъ“; объ остальныхъ провинившихся онъ долженъ былъ подавать въ Разрядъ „докладныя письма“; туда же со съѣзжаго двора отсылались колодники, арестованные объѣзжимъ головой. Кн. Ѳедоръ Борятинскій по приведенному выше дѣлу съ Климомъ Купреяновымъ долженъ былъ оправдываться тѣмъ, что онъ хотѣлъ отослать арестованнаго Купреянова въ Разрядъ, но „отослать было того числа неколи, потому что то число было въ субботу“. Судебная дѣятельность объѣзжаго головы ограничивалась кругомъ не слишкомъ важныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и весьма походила на юрисдикцію современныхъ мировыхъ судей. Объѣзжій голова разбиралъ дѣла, какъ возникшія въ предѣлахъ Китая-города, такъ и по челобитьямъ всякихъ чиновъ людей на торговыхъ людей Китая-города: съѣзжему двору были подсудны дѣла о нанесеніи побоевъ въ Охотномъ ряду или за Покровскими воротами, разъ побой были нанесены торговыми людьми Китая-города.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

Дѣлопроизводство съѣзжаго двора не отличалось сложностью. Дѣло обыкновенно начиналось челобитьемъ потерпѣвшаго, большею частью „словеснымъ“, которое записывалось на съѣзжемъ дворѣ. Иногда истецъ указывалъ на отвѣтчика „имянно“, иногда же, въ случаѣ, напримѣръ, драки или брани на улицѣ съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ, заявлялъ, что онъ, „какъ его (отвѣтчика) зовутъ, того не знаетъ, только въ лицо его укажетъ“. За отвѣтчикомъ со съѣзжаго двора посылались „ходаки“, т. е. стрѣльцы, иногда съ подъячимъ, снабженный „сыскою памятью“, т. е. приказомъ объ арестѣ. По приводѣ отвѣтчика на съѣзжій дворъ его допрашивали. Надо замѣтить, что отвѣтчикъ почти всегда запирался, вопреки обличеніямъ истца утверждая, что онъ его „не бранивалъ, не безчещивалъ, не бивывалъ“, „денегъ не вырывывалъ“, платя „не дирывалъ“ и вообще въ глаза его не видалъ. Случалось, что на съѣзжій дворъ приводили не того, кого было нужно; въ 1693 году по челобитью человѣка стольника Алмазова В. Бакшѣева на съѣзжій дворъ былъ взятъ торговый человѣкъ Алексѣй Алексѣевъ, будто бы „безчестившій Бакшѣева скаредными словами“; но Бакшѣевъ, присмотрѣвшись къ Алексѣеву, заявилъ, что „тотъ человѣкъ его, Василя, не бранивалъ и не безчещивалъ, и въ лицо того человѣка онъ, Василій, оознался“. При допросѣ происходилъ осмотръ вещественныхъ доказательствъ: объѣзжій смотрѣлъ „битаго“, „дранаго“, „разореныхъ мѣстъ“, „ломаной коробки“: когда въ Сукоянномъ Смоленскомъ ряду была найдена подброшенная для поджога горѣвшая тряпица, эта тряпица, хотя и загашенная, была принесена торговыми людьми на съѣзжій дворъ; когда садовникъ В. Осиповъ въ Нижнемъ Москательномъ ряду вздумалъ бросать подушкой въ одного торговаго человѣка, эта подушка добросовѣстно была представлена на съѣзжій дворъ. О результатѣ осмотра на съѣзжемъ дворѣ составлялся протоколъ. Осмотръ „битаго“ за отсутствіемъ врача носилъ поверхностный характеръ: записывалось просто, что „по осмотру на такомъ-то битаго лобъ и носъ и лѣвая щека и руки обѣ разбиты до крови и по бокамъ и по сннѣ бито-жь и синева и вспухло“; иногда вносилось въ протоколъ, что „битыхъ мѣстъ не объявилось“. При осмотрѣ „дранаго“ аккуратно записывалось, напримѣръ, что у одного кафтанъ „выше красныхъ клиновъ подранъ, да оторваны двѣ пуговицы серебряныя“, а у другого „кондырь ¹⁾ у праваго рукава оторванъ“. „И тотъ драный кондырь, говорилось въ протоколѣ, отданъ за караулъ сторожу Якушкѣ Алексѣеву“. Тотъ же Якушка хранилъ и болѣе рѣдкостныя веще-

¹⁾ Обшлагъ.

ственные доказательства: когда выдрали бороду у одного тяглеца Покровской сотни, „тадраная борода, волосы, были отданы за караулъ“ тому же сторожу. Послѣ допроса обвиняемаго и осмотра вещественныхъ доказательствъ приступали къ допросу свидѣтелей; предписывалось „взять у истца третьимъ (т. е. свидѣтелямъ) роспись“, и на представленной „третьейской росписи“ помѣчалось: „сыскать тѣми людьми въ правду безо всякія поноровки противъ истцовой третьейской росписи“. Отвѣтчикъ иногда отводилъ всѣхъ „третьихъ“, иногда нѣкоторыхъ, указывая, что такіе-то свидѣтели „друзья и хлѣбосольтцы“ истца, иногда же „слался на тѣхъ же третьихъ въ повальный обыскъ“. Иные челобитчики слались на цѣлые ряды и даже на „всю Красную Площадь“. Нерѣдко стороны, „не ходя въ сыскъ, поговоря межъ себя любовно“, мирились и уплачивали „мировыя“ деньги; иногда отвѣтчикъ былъ вынужденъ извиниться, „добить челомъ“ истцу. Если дѣло не оканчивалось, то по отвѣтчикѣ собирали поруку въ томъ, что ему „ставиться на съѣзжемъ дворѣ противъ челобитья по вся дни и безъ указу съ Москвы не съѣхать“, и отпускали восвояси. Съ отвѣтчика всегда ¹⁾ взыскивались „приводныя“ деньги въ размѣрѣ 4 алтынъ 2 денегъ. Большинство имѣющихся въ нашемъ распоряженіи дѣлъ съѣзжаго двора оканчивается взысканіемъ этихъ „приводныхъ“ денегъ ²⁾.

Для буйныхъ или особенно важныхъ преступниковъ на съѣзжемъ дворѣ имѣлись „желѣза“ и „чепи“, послѣднія даже „двойныя“; но тюрьмы въ собственномъ смыслѣ не было, а сажали просто въ „конюшню“ или „подполья“ и вообще съѣзжій дворъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи не имѣлъ способовъ устеречь своихъ колодниковъ. Въ 1687 году, напримѣръ, стрѣльцы привели на съѣзжій дворъ квасника Семена Ерофеева и „греческаго работника“ Андрюшку, нанесшихъ побой на Никольской человѣку боярина П. М. Салтыкова; приводные люди оказали упорное сопротивленіе, „били стрѣльцовъ и изодрали кафтанъ“ на одномъ изъ нихъ, и поэтому были посажены на съѣзжемъ дворѣ „въ желѣзахъ“. Но колодники въ самомъ скоромъ времени, „видя вину свою, въ желѣзахъ ушли на Спасскій (Зайковоспасскій) монастырь, а съ Спасскаго монастыря прошли на Никольскій монастырь, и стрѣльцы Сенку квасника на Никольскомъ монастырѣ поймали и, поймавъ, повели на съѣзжій дворъ, а греческій работникъ Андрюшка, разбивъ желѣза, ушелъ“. Повидимому, „желѣза“ на съѣзжемъ дворѣ не были слыш-

¹⁾ Исключеніе изъ этого правила было одинъ разъ сдѣлано (Пр. 1061, 224).

²⁾ Пр. 1061, 2, 7, 40, 189; Пр. 1512, 52, 70, 97, 206, 250, 279, 300; 2513, 6.

комъ прочны; сажать же на „двойную“ цѣпь объѣзжіе головы не имѣли права, и Печатнаго Двора тередорщикъ (печатникъ) Борисъ Ѳедосѣевъ въ 1695 году жаловался на то, что его на сѣзжемъ дворѣ незаконно „посадили на двойную цѣпь, будто въ какомъ разбойномъ или татиномъ дѣлѣ“.

Нѣкоторыя дѣла со сѣзжаго двора переносились въ разные приказы, какъ неподсудныя объѣзжему головѣ. На дѣлѣ о кражѣ со взломомъ коробки у подьячаго Лихачонкова въ 1674 году на сѣзжемъ дворѣ состоялась помѣта: „искать о томъ судомъ, гдѣ онъ судимъ, то дѣло судное“. Дворцовые крестьяне отсылались въ приказъ Большого Дворца или въ Дворцовый Судный, солдатъ Преображенскаго полка къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Въ іюлѣ 1674 года на сѣзжемъ дворѣ производили сыскъ о найденномъ у церкви Николая Чудотворца въ Посольской улицѣ ¹⁾ „въ пустой избѣ мертвомъ маломъ ребенкѣ“, брошенномъ матерью, крестьянкой, пришедшей съ мужемъ изъ Галицкаго уѣзда въ Москву „покормиться“ и здѣсь овдовѣвшей ²⁾; послѣ предварительнаго дознанія женка была отправлена въ Патріаршіи Духовный приказъ.

На сѣзжемъ дворѣ подьячіе „дѣлали всякія приказныя дѣла“, т. е. вели обычное канцелярское дѣлопроизводство того времени. На дворѣ были книги „указныя“, куда записывались указы, получавшіеся изъ Разряда, „переписныя“, однѣ „дворовыя“, другія „рядовыя“, т. е. „дворомъ и рядомъ“, записныя поручнымъ; велись и приходныя книги, при чемъ была особая книга „приводнымъ деньгамъ“; была заведена и особая книга, куда записывалось, „кому какое наказаніе учинено и за какую вину“. Встрѣчаются жалобы на медленность дѣлопроизводства сѣзжаго двора, въ родѣ жалобы нищаго Тишки Иванова, который 12 сентября 1693 года заявилъ въ Разрядѣ, что еще 19 іюля онъ подалъ челобитную на сѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ, и „по тому его челобитью указу никакого не учинено и по се число, волочится онъ и убытчится многое время“. Но вообще надо сказать, что судъ на сѣзжемъ дворѣ, если не всегда былъ „правый и милостивый“, но нерѣдко былъ столь „скорый“, что о такой скорости не могутъ и мечтать люди, имѣющіе въ настоящее время дѣла не только въ окружныхъ, но и въ мировыхъ судахъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ для доказательства того, что судъ XVII вѣка не былъ сплошной волокитой, „судомъ для осуда, а не для разсуда“ 9 августа 1693 года на сѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ билъ че-

¹⁾ Никола Красный Звонъ въ Юшковомъ переулкѣ.

²⁾ Любопытно, что мать пришла ночевать въ ту избу, гдѣ „покинула“ ребенка, потому, что „ее безъ молитвы въ домъ никто не пускалъ“.

ломъ словесно кровельный караульщикъ Верхняго Овощного ряда Константинъ Сидоровъ на неизвѣстнаго ему торговаго человѣка Горшечнаго ряда съ товарищи въ томъ, что они его „били и увѣчили и крестъ сорвали“. „И то видѣли многіе люди, заявлялъ онъ, и тѣмъ людямъ онъ принесетъ третьимъ роспись“. Тотчасъ на сѣзжѣ дворѣ состоялась помѣта „сыскать и допросить“, и въ тотъ же день отвѣтчикъ, оказавшійся торговымъ человѣкомъ Лукьяномъ Ивановымъ, былъ приведенъ на сѣзжій дворъ и допрашиванъ, при чемъ показалъ, что Сидоровъ самъ его „учалъ бить“, а онъ его „не бивалъ и не увѣчивалъ“. Уже на другой день 10 августа „противъ общей ссылки Горшечнаго ряду и рыбныхъ шалашей и портными мастерами большимъ повальнымъ обыскомъ было сыскivano, по святѣй, непорочнѣй евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей, въ правду“, и „въ сыскѣ по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ, а по истцѣ въ томъ сыску торговые люди никто не сказали“. Оказалось, что Сидоровъ съ товарищемъ забралися въ погребъ при „разломанной“ лавкѣ Иванова и „учали“ тамъ „рѣшетами землю грести“, ища денегъ, а, когда Ивановъ сталъ ихъ „изъ той ямы высылатъ“, Сидоровъ „учалъ его, Лучку, бить и за горло давить и повелъ было на сѣзжій дворъ и на улицѣ его, Лучку, кулаками билъ“. На основаніи обыска, 14 августа объѣзжій голова стольникъ Никита Ксенофоновичъ Таракановъ, „слушавъ сего дѣла, приказали истцу въ бою и въ увѣчѣѣ отказать для того, что по истцѣ въ повальномъ обыску противъ его челобитья третейскіе люди ничего не сказали, а по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ въ томъ, что онъ, отвѣтчикъ, его, истца, не бивалъ, а билъ де онъ, истецъ, его, отвѣтчика, и въ томъ иску истца обвинили, а отвѣтчика оправили“¹⁾.

¹⁾ Пр. 1061, 99—100, 323; Пр. 1116, 120; Пр. 1512, 167—172; Пр. 1534, 1—8, 131; Пр. 1655, 122—125; Пр. 1716, 514, 550; Пр. 2513, 1—4, 42, 107; Чт. О. Ист. Др. Рос. 1894, III, 4—5.